

Серенков Ю. С. «Миф о Джоунзе»: происхождение и актуализация в текущем культурном контексте//Актуальные проблемы педагогической теории и образовательной практики: традиции и инновации: сборник научных статей международной научно-практической конференции. 15-19 февраля 2016 г., Новокузнецк. – Новокузнецк: Издательство «Арт-экспресс», 2016. – с. 411-418

УДК 398.22

«Миф о Джоунзе»:

происхождение и актуализация в текущем культурном контексте

Юрий Сергеевич Серенков

Новокузнецкий институт (филиал)

ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет»

г. Новокузнецк, Российская Федерация

Аннотация. Способность корректно приписывать мысли и психологические состояния окружающим имеет лингвистическое происхождение. Участие в нарративных практиках в качестве рассказчика либо слушателя стимулирует эту способность. Проблема эволюции этой способности, или фолк-психологии, достаточно давно стала объектом философского анализа. «Миф о Джоунзе», созданный У. Селларсом в рамках философского эссе о эмпиризме и философии сознания – одна из первых манифестаций интереса к проблеме фолк-психологии как социальному и культурному феномену.

Ключевые слова: нарратив культура философия сознания миф о Джоунзе.

Несколько лет назад американский исследователь М. Скалезе-Сугияма заинтриговала коллег и читателей следующим заявлением:

«Представьте себе, как древний *Homo sapiens* пытается поведать историю про Красную Шапочку посредством красок. Наш художник немедленно столкнется с трудностями, связанными с репрезентациями мыслей, мнений, точек зрения персонажей, а также передачей характера связей между персонажами. <...> изображение может стоить тысячи слов, но бывают случаи, когда тысяче картинок не заменить нескольких правильно подобранных слов» [13, с.182].

Эта цитата встречается в ряде работ современных философов языка в связи с обсуждением онтологического статуса и формальной специфики т. н. фолк-психологических нарративов – особых «народных» речевых практик, цель которых – понять и объяснить мотивы действий, наблюдаемых у других, либо переживаемых непосредственно рассказчиком.

Авторы, обсуждавшие и интерпретировавшие приведенный тезис Скалезе-Сугияма, согласились как минимум в том, что условие «фолк-психологического» понимания внутри культур – наличие у субъектов этих культур сформировавшегося навыка в использовании речевых выражений (как правило, клишированных), связанных с намерением, желанием, восприятием, представлением (выражений, которые в когнитивной лингвистике принято называть пропозициональными установками [8, 6, 7].

Но писавшие в рамках этого мини-форума выказывали и разногласия, особенно в вопросе исчерпывающей достаточности участия в фолк-психологических нарративах на уровне слушания, понимания и создания рассказов для развития способности правильно приписывать мысли и правильно полагать о психологическом состоянии других, то есть

для приобретения своего рода фолк-компетенции. Прозвучало мнение о необходимости «стимуляции фолк-психологического участия в форме уместной поддержки» [9, с.112].

Кроме того, в дискуссии были намечены параметры фолк-психологических повествований – доступность для восприятия, манипулирование в рассказе реалиями, которые бы соотносились с культурно-социальной нишей слушателей и т.п., потому что существует связь между восприимчивостью (важным условием интеграции в «поле» фолк-психологии) и окружением, которое едва ли будет располагать к становлению какой бы то ни было психологии, если оно лишено культурных артефактов и культурных практик.

Со своей стороны хотелось предложить мастер-параметр, о котором умолчали дискуссирующие: guidance, наличие стороннего культурного (в антропологическом смысле слова) руководства.

Подобное руководство персонифицировано в известном нам «Мифе о Джоунзе». Что это за миф? Шестьдесят лет назад американский философ Уилфрид Селларс (1912-1989) опубликовал объемное эссе под названием «Эмпиризм и философия сознания» [13]. Эссе содержало вставное повествование, так называемый миф о Джоунзе (13, с.48-63) – описание не имевшего места в действительности антропологического эксперимента, который проводился с целью изучения сознания представителей рода человеческого в доисторические времена. «Миф» состоит из трех условных частей-ступеней, которые объединены персонажем по имени Джоунз. Джоунз – симбиозная фигура, так как сочетает в себе демонические черты (некий мыслящий дух, способный перемещаться во времени и пространстве) с чертами ученого-антрополога, проводящего полевые исследования. В условно-неандертальском поселении он выглядит одним из соплеменников. И в этой ипостаси он – первобытное человеческое существо с более развитым, чем у окружающих его неандертальцев, мышлением. В первой части «мифа» Джоунз оказывается в поселении, где все изъясняется исключительно на т.н. языке Райла, или райлеанском языке (по имени английского философа Гилберта Райла, одного из видных представителей философии обыденного языка) – «языке, сводимом лишь к семантизации в слове предметов общего пользования и общепризнанных свойств предметов общего пользования, феноменов внешнего мира, языка и поведения» [13, с.49], но не могущего ссылаться на переживаемые человеком ощущения и мысли. Соответственно, эти люди не имеют представления о мыслях, чувствах и т.д. Во второй части «мифа» Джоунз осознает, что даже когда поселенцы не творят вербальных эпизодов на языке Райла, потому что молчат, либо едят, они тоже поступают разумно. Что приводит Джоунза к гипотезе речи, которая звучит «внутри» райлеанских предков: благодаря этой речи люди действуют согласованно и рационально. Придя к подобному заключению, Джоунз начинает думать о поведении людей вообще, учится интерпретировать и предсказывать действия посредством соотнесения актуального контекста с внутренней речью. Он пытается передать свое новое понимание другим. В третьей части «мифа» и сам Джоунз, и люди из доисторического поселения учатся применять теорию внутренней речи как направляющего и причинного фактора действия к самим себе, и, таким образом, все учатся обладанию самосознанием и способности к самоотчету – там, где это касается «внутренних состояний».

То, что интересовало Селларса как автора «Мифа о Джоунзе», интересовало в середине 50-х гг. XX в. многих – и коллег Селларса в области философии сознания (в этом отношении показательна недавно переведенная на русский язык переписка Селларса с Р. Чизолмом [4]), и, шире, представителей англоязычной интеллектуальной среды (стоит, в этой связи, обратить внимание на то, как реконструирует речь персонажей-неандертальцев один из самых обсуждаемых представителей философской художественной прозы XX в. английский писатель У. Голдинг в романе «Наследники» (1955) [1]). Сам Селларс относился к «Мифу о Джоунзе» с определенной долей юмора, называя его «антропологической научной фантастикой». [13, с. 48] Тем не менее, актуальность философско-антропологической концепции культурного гида, помогающего нам понять окружающих и себя (какой бы фрагментарной и незаконченной она ни была) становится очевидной в свете исследований XXI в., касающихся теории описания ненаблюдаемых объектов, потому что в современной научной литературе, созданной сторонниками фолк-психологического «крыла» философии сознания [10; 12] цитируется именно «Эмпиризм и философия сознания».

Возможно, основное намерение Селларса как автора обсуждаемой работы, состояло в поиске доказательств тезиса о том, что люди смогли «говорить о своих внутренних происшествиях и непосредственном опыте» [13, с.1], т.е. вещах, подобных чувствам, духовным намерениям, мнениям, желаниях) ПОСЛЕ того, как они в полной мере овладели «райлеанским» языком, и экстраполировали его «материальное» содержание на не-материю. «Миф о Джоунзе» мог мыслиться аргументом в философском споре Селларса с эпистемологическим фундаментализмом Декарта. Но попробуем предположить, что «миф о Джоунзе», помимо вышесказанного, засвидетельствовал и попытку Селларса показать, что речь, звучащая в общественном измерении, служит опорным материалом для речи «внутренней», и мысли могут «строиться» из звучащей в общественном измерении речи как особого материала. А также и то, что «внутренняя речь» мышления опирается на всеобщую, «межсубъектную» речь, и формируется в силу – и в процессе – интеграции человека в межсубъектные отношения. И что оптимальная, в данном контексте, форма этой речи – нарратив.

Дадим этой попытке название «нарративной гипотезы» происхождения фолк-психологии. Какие доводы в пользу состоятельности этой гипотезы мы сможем здесь привести? Исследования антропологов и этнографов могут дать многие примеры того, что нарратив выполняет функцию донесения жизненно важной информации. В этом, возможно, одна из причин того, что люди испытывают потребность в слушании рассказчика, и рассказчик получил особый статус в культурах. Кроме того, почти все мы, в большей или меньшей степени, сами наделены способностью к построению рассказа, т.е. способностью повествовать. Нечто бывшее с нами обретает в рассказе структурные черты, превращается в событие. Причин рассказа – множество, но есть причины, побуждающие к большему числу «практик» (или предпринятых попыток) повествования в отдельно рассматриваемой культуре. Одна из таких причин – переживание ситуации вынужденного приспособления к переменчивому окружению, опытно открытые формулы действия в тех или иных трудных обстоятельствах. Подобное переживание (как и подобные формулы) поколений рассказчиков вызвали к жизни темы и

(жанровые) формы в словесностях многих культур. Например, в фольклоре почти всех народов есть рассказы о трикстерах, и в них особо подчеркивается, что «бесплатный сыр» – это всегда признак «мышеловки». Рассказы как бы предупреждают всех нас, а особенно тех, кто молод и неопытен, о том, чтобы мы не прельщались обещаниями успеха и благ от неизвестно откуда взявшихся благотворителей и, в целом, не понимали буквально того, что слышим в общественном пространстве.

Нарративные «практики» могут иметь и другие функции. Одна из этих функций, очевидно, нормоустанавливающая: нарратив помогает «размежевать» поведенческие границы, так как содержит примеры приемлемого и неприемлемого поведения и не умалчивает о последствиях, связанных с этими примерами. Что, в свою очередь, указывает на правдоподобность гипотезы Макгир-Завидски о том, что фолк-психология, в первую очередь, имеет регулятивную функцию [11; 15]. Важно и другое: в нарративе, возможно, передается критически значимая информация, связанная не только с физическим и экономически-правовым, но и социальным выживанием. Этнографы сходятся с фольклористами в том, что в поселениях охотников-собирателей нарратив используется как средство информирования о достижении и сохранении работоспособной и общественно-сообразной формы. Этнографы Блертон-Джонс и Коннер пишут о бушменах Калахари, что те нередко «начинали обсуждать какую-то частность между собой и излагать все подробно – перечислять наблюдения» [5, с.334-335]. Эти обсуждения, по мнению ученых, не были передачей информации как таковой: «вербальная передача информации происходила опосредованным образом, силами повествующих охотников, которые, не ведая, что такое инструктаж, делали, что умели – создавали рассказы-«отчеты» о ежедневных охотничьих вылазках» [5, с.335]. Таким образом, охотники-слушатели обогащали свой профессиональный опыт, не только наблюдая за охотой других непосредственно, но внимая охотникам-повествователям. Но есть доводы и более весомого порядка. Вопросы, на которые предстоит ответить всякому принявшему нарратив за «программное обеспечение», которое, будь оно правильно «установлено», гарантирует культуро- и социо-сообразную фолк-психологию, возможно, таковы: а не является ли «фолк-психология» фикцией, вытекающей из упрощенной интерпретации основных положений современной аналитической философии, и не является ли, по большому счету, аналитическая философия попыткой объединения и формализации фундаментальных человеческих «интуиций» (или способности к целостному охватыванию условий проблемной ситуации), которые обнаруживаются как в повседневных делах практического порядка, так и в рефлексорном взаимодействии индивида с культурным окружением? И, если признать правильность тезиса об «интуитивном познании, как непосредственном, традиционно противопоставляемом дискурсивному, как опосредованному» [3, с.96], не будут ли сомнения о причастности нарратива к эволюции фолк-психологии на уровне индивида абсолютно правомерными? В качестве ответа можем предложить следующее: вопрос о том, в силу каких именно механизмов «фолк-психологический» разговор становится возможным, скорее всего, второстепенны для философов-аналитиков. Их интерес к фолк-психологии не идет дальше «конститутивных» вопросов о содержании и статусе менталистского разговора. И если в один прекрасный день будет доказано, что фолк-психология – врожденное свойство человека как генетически социального существа (недавние

открытия нейробиологов, кстати, могут быть использованы в качестве весомого аргумента в пользу такого поворота дел) [2], либо, напротив, сторонникам теории нарративного происхождения социального и культурного опыта удастся подтвердить свою гипотезу и мир узнает, что фолк-психология «вскормлена» сугубо нарративными ангажементами, это едва ли окажет большое влияние на «повестку дня» у аналитиков. То, что действительно могло бы повлиять на «повестку дня» – это твердое знание о том, что фолк-психология существует как системный способ понимания причин чьих-то действий. Но кому, как не адептам аналитической философии, знать, что наша эпистемическая ситуация амбивалентна в плане способа вхождения в контакт с окружающим миром. С одной стороны, это «сырая», т.е. неконцептуализированная сенсорная стимуляция. На этом уровне взаимодействия с окружающим миром невозможно делать утверждения и, следовательно, нет риска ошибки. С другой стороны – все остальное, включая перцепции, которые питают познание и деятельность. На этом уровне необходимо прийти к концептуальному представлению о том, с чем мы имеем дело. А путь к подобному представлению лежит только через лингвистическую репрезентацию.

Список литературы

1. Голдинг, У. Наследники [Текст]: художественно-литературное издание / У. Голдинг. – Москва: Издательство АСТ, 2006. – 212 с.
2. Косоногов, В. Разработка понятия «понимание чужого сознания» (theory of mind) с учётом данных о зеркальных нейронах [Электронный ресурс]: тезисы / В. Косоногов ; Психология – наука будущего: Материалы II международной конференции молодых учёных, 30-31 октября 2008, Москва / Под ред. А. Л. Журавлёва, Е. А. Сергиенко, А. С. Обухова. – Москва: Издательство Институт психологии РАН, 2008. – 206-208с.
3. Круглов, А.Н. Интуиция интеллектуальная [Текст]: энциклопедическая статья / А.Н. Круглов ; Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – Москва: Издательство Канон+, РООИ Реабилитация, 2009. – 96с.
4. Чизолм, Р., Селларс, У. Интенциональность и ментальное. Переписка Р. Чизолма с У. Селларсом [Текст]: научная публикация / Р.Чизолм, У. Селларс; Эпистемология и философия науки, 2011. –Т. XXX - № 4. – 195-223с.
5. Blurton, Jones, N.G., Konner, M.J. Bushman knowledge of animal behavior [Текст]: научная публикация / N.G. Blurton Jones, M.J. Konner ;R. Lee, I. DeVore (Eds.), Kalahari hunter-gatherers. – Cambridge: Harvard University Press, 1976. –325-348p.
6. Gallagher, S. The Narrative Alternative to Theory of Mind [Текст]: научная публикация /S. Gallagher ; Radical Enactivism: Focus on the Philosophy of Daniel D. Hutto / ed. R. Menary. – Amsterdam: John Benjamins, 2006. –223–229p.
7. Herschbach, M. False-Belief Understanding and the Phenomenological Critics of Folk Psychology [Текст]: научная публикация / M. Herschbach;Journal of Consciousness Studies, 15, 2008. –33–56p.
8. Herman, D. Description, Narrative, and Explanation: Text-Type Categories and the Cognitive Foundations of Discourse Competence [Текст]: научная публикация / D. Herman, Poetics Today, 29, 2008. – pp. 437–472.
9. Hutto, D.D. Folk Psychological Narratives: The Sociocultural Basis of Understanding Reasons [Текст]: монография / D.D. Hutto; Cambridge, MA: MIT Press, 2008. – 302 p.
10. Knobe, A. Reason Explanation in Folk Psychology [Текст]: научная

публикация / A. Knobe ;Midwest Studies In Philosophy, Volume 31, Issue 1, September 2007. –90–106p.

11. McGeer, V. The Regulative Dimension of Folk Psychology [Текст]: научная публикация / V. McGeer ;Folk Psychology Re-Assessed / Eds. D.D. Hutto, M. Ratcliffe. – Dordrecht: Springer, 2007. – 137–56p.

12. Ratcliffe, M. Rethinking Commonsense Psychology: A Critique of Folk Psychology, Theory of Mind and Simulation [Текст]: монография / M. Ratcliffe; Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2007. – 214 p.

13. Scalise, Sugiyama, M. Reverse-engineering Narrative [Текст]: научная публикация / M. Scalise Sugiyama ; The Literary Animal / Eds. J. Gottschall, D.S. Wilson. – Evanston, Illinois: Northwestern University Press, 2005. – 179-196p.

14. Sellars, W. Empiricism and the Philosophy of Mind [Электронный ресурс]: научная публикация / W. Sellars; Orig. Pub. in Minnesota- Studies in the Philosophy of Science-Vol.1- ed. Herbert Feigl, 1956. -Режим доступа: свободный.- (Дата обращения:9.02.2016)

418

15. Zawidzki, T. The Function of Folk Psychology: Mind reading or mind shaping? [Текст]: научная публикация / Philosophical Explorations, 11, 2008. –193–210p.